

А.М. Ранчин

МАТРЁНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА И ПРАВЕДНИКИ Н.С. ЛЕСКОВА

Аннотация. В статье рассматривается преемственность между произведениями Н.С. Лескова о праведниках и рассказом А.И. Солженицына «Матрёнин двор». Солженицынский рассказ, несмотря на интертекстуальные связи с творчеством Лескова, отличается от лесковских произведений несколько иным пониманием праведности, в нем иная структура повествования: различаются соотношение рассказчик – изображаемый персонаж, трактовка оппозиции прошлое – настоящее, Лесков и Солженицын ориентируются на различные образцы в религиозной книжности: для Лескова это агиография, для автора «Матрёнина двора» – ветхозаветные сказания.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; А.И. Солженицын; образы праведников; «Матрёнин двор»; литературная преемственность; интертекстуальные связи; нарративная поэтика; диалог, полемика.

Ranchin A.M. *A.I. Solzhenitsyn's Matryona and the righteous men in the works by N.S. Leskov*

Summary. The article discusses continuity between the works by N.S. Leskov about the righteous men and the story by A.I. Solzhenitsyn «Matryonin Place». Solzhenitsyn's story, in spite of its intertextual links with Leskov's work, is not similar to Leskov's works because of a slightly different understanding of righteousness, Work written by Solzhenitsyn has a different narrative structure: the correlation between narrator and depicted character; the opposition of the past to the present, which is unequally interpreted by Leskov and Solzhenitsyn; Leskov and Solzhenitsyn are oriented to various patterns in religious bookishness: for Leskov, this is hagiography, whereas for the author of «Matryonin's Place», Old Testament tales are the narrative pattern.

Keywords: N.S. Leskov; A.I. Solzhenitsyn; the images of righteous men; «Matryona's Place»; literary continuity; intertextual connections; the poetics of narration; dialog; polemics.

Сходство между героиней солженицынского рассказа «Матрёнин двор» и лесковскими персонажами, именуемыми автором праведниками, очевидно. Как еще в 1972 г. заметил Л. Ржевский, «предтеч Матрёны можно найти <...> у Н. Лескова: начиная с “Соборян” тема праведников сделалась одно время его главной темой»¹. Изначальное, авторское название «Матрёнина двора» – «Не стоит село без праведника», это же высказывание варьируется в заключительных строках рассказа: «есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша»².

Это высказывание-пословица соотносится с предисловием Лескова к книге-циклу «Праведники» – второму тому (1889) прижизненного собрания сочинений писателя в 12 томах. Предисловие к тому открывается эпитафией «Без трех праведных несть граду стояния», который одновременно выступает в роли названия, так как предисловие не озаглавлено³. Солженицын вряд ли мог читать во второй половине 1950-х годов второй том лесковского прижизненного собрания, но он, несомненно, был знаком с его собранием сочинений в 11 томах, вышедшим в 1956–1958 гг. – незадолго до завершения работы над «Матрёниным двором» (1959). В составе этого собрания сочинений были переизданы и предисловие, и почти все остальные произведения Лескова из цикла «Праведники» (без сохранения единства цикла). Не вошли в состав собрания из этого цикла лишь «Пигмей» и «Русский демократ в Польше». Большинство произведений о праведниках, не включенных во второй том прижизненного собрания, в 11-томнике были также переизданы⁴.

Пословица, цитируемая Солженицыным, по-видимому, найдена им в словаре В.И. Даля, где имеет несколько иной вид: «Не стоит город без святого, селение без праведника»⁵. Источник лесковского эпитафия, насколько мне известно, не установлен, но и он, как и пословица, воспроизведенная автором «Матрёнина двора», восходит к 18 главе Книги Бытия, в которой Авраам вопрошает

Господа, ради какого числа праведных, обитающих в городе, погрязшем в грехах, Бог пощадит эту обитель скверны.

Однако, несмотря на несомненную преемственность солженицынского рассказа по отношению к произведениям Лескова о праведниках (варьирование обоими писателями по существу одной и той же идеи о спасении земли / города / села – самый явный знак такой интертекстуальной связи), между солженицынским рассказом и этими произведениями обнаруживаются и разительные различия.

Персонажи произведений Лескова, включенных в цикл «Праведники», далеко не всегда могут быть восприняты как подлинные и безусловные выразители праведнического начала. Бескорыстный и бестактный в своей настойчивости попрошайка Шерамур, мечтающий «пожрать» сам и накормить всех голодных бедняков, едва ли может быть безусловно причислен к числу праведников: автор именует его «чрева-ради юродивый» [VI; 244], прибегая к своеобразному оксюмору: юродивый (в церковном значении этого слова) по определению отвергает соблазны мира сего, предавая свою плоть крайним формам аскезы, умерщвляя ее. Не случайно Лесков завершает рассказ таким пассажем: «Пьеса кончена, и читатель может меня теперь спросить: зачем она попала в одну книгу с рассказами о трех праведниках, с которыми у Шерамура, по-видимому, нет ничего общего в природе? Такой вопрос очень возможен, и я, предвидя его, спешу дать мой ответ. Шерамур поставлен здесь по двум причинам: во-первых, я опасался, что без него в этой книжке не выйдет определенного числа листов, а во-вторых, если сам Шерамур не годится к праведным даже в качестве *юродивого*, то тут есть русская няня, толстая баба с шнипом, суд которой, по моему мнению, может служить выражением праведности всего нашего умного и доброго народа» [VI; 301]. Ответ повествователя на заданный вопрос оказывается всецело ироническим.

Центральный персонаж рассказа «Русский демократ в Польше» Самбурский, радеющий о государственном благе и работавший проект, призванный превратить мятежную Польшу в лояльную российской власти провинцию, до праведника «не дотягивает». Образ Ивана Северьяныча Флягина из повести «Очарованный странник» наделен амбивалентными признаками⁶. Нарра-

тивная структура лесковской повести достаточно сложна: в ней есть главный герой – рассказчик – Иван Северьяныч Флягин – и повествователь обрамляющего, рамочного текста – один из слушателей флягинской истории; в терминах нарратологии В. Шмида это, соответственно, вторичный и первичный нарраторы⁷. Вопрос о том, принадлежит ли выраженная безымянным первичным нарратором оценка Ивана-Измаила как «младенца», удостоенного подлинного понимания Божественной истины [IV; 513], также и плану повествования собственно авторскому (плану абстрактного автора в терминах В. Шмида⁸), не может быть решен однозначно. В любом случае персонажу присущи не только праведнические или «потенциально праведнические» черты.

Негативные признаки свойственны лесковскому Левше – причем это не только личностные черты (невежество и забитость, оборотной, светлой стороной которой являются бессребреничество и преданность Отечеству). В мифологическом контексте негативной характеристикой героя, свидетельствующей о его принадлежности к темному, «изнаночному» миру, оказывается более искусное владение левой, а не правой рукой, причем левой рукой он даже крестится⁹.

Лесков многих из своих персонажей наделяет не только свойствами праведников, но и – весьма нередко – чертами, указывающими на маргинальность и эксцентричность, «юродственность». Таков герой рассказа «Однодум» солигаличский квартальный Александр Афанасьевич Рыжов, живущий на одно ничтожное жалование, но не принимающий подношений и по бедности не имеющий даже мундира. Таков Шерамур, не признающий необходимости платить за пищу. Маргинальность может проявляться и в повышенном, обостренном до предела чувстве справедливости, доводящем персонажа, постоянно сталкивающегося с ее попранием, до нервного расстройства и самоубийства (Николай Фермор в «Инженерах-бессребрениках»). Персонажи-праведники Лескова – в разной степени чудаки, «раритеты», «антики». И не случайно Лесков, изображая их, нередко прибегает к приемам, к нарративу, характерному для анекдота: такова, например, во многом история Рыжова, особенно конфуз, произошедший с солигаличским квартальным, когда он, ожидая генерал-губернатора Ланского, уселся белыми «штанцами» на свежeverкрашенный шлагбаум¹⁰.

Солженицынская поэтика в этом отношении иная. Над своей праведницей Матрёной он не смеется и не позволяет этого читателю – в ее изображении анекдотические элементы отсутствуют. Односельчане, как обычно и знакомые или соседи у Лескова, не узнающие и / или не почитающие праведника, считают бессребреницу Матрёну непрактичной дурочкой и относятся к ней с презрением, ее праведность остается им неведомой: «Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, поглупому работающая на других бесплатно, – она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...» [с. 148]. Непрактичная Матрёна в глазах односельчан *дурочка*, как и сострадательный парень Панька – герой лесковского рассказа «Дурачок», готовый ради другого отдать свою жизнь. Но она не смешна: она противопоставлена автором обществу не в своей эксцентричности и чудаковатости, а лишь в своем бескорыстии и чистосердечии. Как заметил А.Н. Архангельский, для героя-интеллигента повествователя Игнатъича «“хождение в народ” оборачивается приходом – к *личности*, воплотившей, выражаясь посоловьевски, не то, что народ мыслит о себе, а то, что Бог мыслит о народе. И потому – “народу” в его реальном историческом воплощении противостоящей...»¹¹.

По-разному интерпретирован Лесковым и Солженицыным мотив неузнанной праведности. У Лескова ее признание, как правило (но не всегда), совершается. Однако персонаж, замечающий праведные черты главного героя, очень часто не принадлежит к обществу, в котором этот праведник вырос и жил. Так, в «Однодуме» мысли и образ жизни Рыжова признает почтенными генерал-губернатор Ланской, от которого горожане ожидали Рыжову падения; и именно Ланской исхлопочет для него орден. Паньку, отпустившего пленного, которого ему велено было стеречь, поняли и оценили не односельчане, а «татарин» (казах) Хан-Джангар, заявивший: «А ведь Паньку, сдается, нельзя казнить, потому что в душе его, может быть, ангел был...», и его люди, которые «отвечали <...> все одним тихим голосом», что «он ведь, может быть, праведный»¹².

У Солженицына праведность Матрёны не была узнана никем, кроме героя-рассказчика. Но его образ в финальных строках

рассказа как бы расщепляется: тот повествователь, который прибегает к торжественно, по-библейски звучащему обобщению о праведнике, без которого не стоит ни село, ни вся земля, – это скорее уже обладатель пророческой прозорливости и некая условная, высшая повествовательная инстанция, чем бывший зэк, а ныне учитель в сельской школе по отчеству Игнатъич.

И для Лескова, и для Солженицына характерна установка на документальность повествования¹³, которая обычно не является художественной игрой и основывается на использовании подлинного материала – на описании реальных событий и лиц. Однако в лесковском цикле произведений о праведниках и в солженицынском рассказе эта установка реализуется по-разному. Во-первых, по крайней мере в одном случае у автора «Праведников» эта установка приобретает все-таки именно игровой и мистифицирующий характер – в сказе «Левша»: ссылка писателя на цеховую легенду тульских мастеров является фальсификацией, а повествователь, чей рассказ стилизован под речь человека из народа, – литературной фикцией. В «Кадетском монастыре» фигура рассказчика (как можно понять, в прошлом выпускника кадетского корпуса, о котором он рассказывает) не объективирована, не конкретизирована и как бы сливается с авторской повествующей инстанцией, так что у неискушенного читателя возникает соблазн соотнести старого рассказчика с самим Лесковым. Таким образом, достоверность излагаемого повествователем, принадлежащего, казалось бы, осведомленному лицу, оказывается под сомнением. Соотнесенность первичного нарратора в «Очарованном страннике» с автором диктуется фактом лесковской биографии: писатель посетил в 1872 г. Ладожские острова и описал монастырь на острове Коневец в очерке «Монашеские острова на Ладожском озере» (1873). Наивный читатель вроде бы вправе сделать вывод: это сам Лесков встретил на Ладожском озере своего героя. Однако если учитывать невероятный характер жизни Ивана Северьяныча Флягина, напоминающей одновременно авантюрный роман, романтическую поэму, житие и волшебную сказку, главного героя «Очарованного странника» придется признать плодом авторского вымысла. Так что соотнесенность повествователя и автора не может не восприниматься также как род литературной игры.

В «Несмертельном Головане» автобиографический повествователь – всего лишь нарратор первого уровня, почти ничего не знающий и не помнящий о герое, которого признает скорее персонажем легенды, чем воспоминаний, претендующих на достоверность: «Он сам почти миф, а история его – легенда. Чтобы повествовать о нем – надо быть французом, потому что одним людям этой нации удается объяснить другим то, чего они сами не понимают» [VI; 351]. Действительно, в рассказе Лескова прослеживаются признаки жанра легенды¹⁴.

Только в рассказе «Пугало» повествователь может быть без затруднений соотнесен с самим автором (совпадения деталей из детства нарратора и Лескова многочисленны и весьма выразительны), а изложенная им история мужика Селивана понята как реальный случай. Однако читатель, не знающий биографии писателя, может понять фигуру повествователя как вымышленную.

Знаменательно, что в цикле Лескова «Праведники» реальные фигуры (квартирный Рыжов, администрация и наставники кадетского корпуса, выпускники Инженерного училища и др.) свободно уживаются не только с таким вымышленным, однако в принципе правдоподобным персонажем, как Иван Северьяныч Флягин, но и с персонажем очевидно фиктивным, полусказочным – Левшой.

Иной случай – «Матрёнин двор». Фабула рассказа и имя героини достоверны: автор поселился в доме у Матрёны Захаровой во Владимирской области (в деревне Мильцево) 21 августа 1956 г. 21 февраля 1957 г. Матрёна Захарова погибла под колесами поезда. Реален и упоминаемый в «Матрёнинском дворе» поселок Торфопроduct¹⁵. Однако сами по себе эти совпадения литературной фабулы и реальности могли бы относиться лишь к генезису произведения, так как могут быть не замечены читателями. Но солженицынский рассказчик наделен чертами авторской биографии, причем это настолько выразительные детали, что мало-мальски осведомленный читатель, заинтересовавшийся судьбой нового автора, вошедшего в литературу с прежде запретными темами (лагерная тема в «Одном дне Ивана Денисовича», опубликованном раньше, чем рассказ о сельской праведнице, беспросветность советской совхозной жизни в «Матрёнинском дворе»), должен был это совпадение осознать как значимое, продуманное. Начало «Матрёнина двора»: «Летом 1956 года из пыльной горячей пустыни

я возвращался наугад – просто в Россию. Ни в одной точке ее никто меня не ждал и не звал, потому что я задержался с возвратом годиков на десять. Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с лиственным рокотом леса. Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России – если такая где-то была, жила» (с. 116) – пестрит указаниями на авторскую судьбу: здесь и освобождение в июне 1956 г. по хрущёвской амнистии после десятилетия, проведенного в лагерях и в ссылке, и упоминание о самой этой ссылке, проведенной в селе Берлик Кок-Терекского района в Южном Казахстане, и сообщение о поселении «в нутряной России» – во Владимирской области. Таким образом, если Лесков, отыскивая русскую праведность, придает своим художественным свидетельствам отчасти легендарный, а порой и амбивалентный характер, то Солженицын как бы документально удостоверяет существование неоспоримой праведницы в советском «обезбоженном» мире. Его рассказ – и свидетельство, и назидание. Авторский голос приобретает здесь тот убежденный, «авторитарный» (в не оценочном смысле) тон, который свойствен речи Пророка.

Для Лескова, изображающего своих праведников, важна своеобразная легендарно-эпическая дистанция между временем героя (относительно далекое прошлое) и временем рассказчика: эта дистанция, например, присутствует во всех произведениях цикла «Праведники», за исключением повести «Очарованный странник» (впрочем, и в нем юность Флягина – это давно прошедшее время барского крепостнического самодурства). Время первичного нарратора (объективированного в качестве персонажа – диегетического нарратора или нет, неважно), совпадающее с подразумеваемым временем автора и читателя-адресата, и время персонажа-праведника не совпадают, как в народной легенде или в героическом эпосе. Выше уже цитировались вступительные строки из рассказа «Несмертельный Голован». Можно привести также цитату из заключительной главки сказа «Левша»: «Теперь все это уже “дела минувших дней” и “преданья старины”, хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер ее главного героя. Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народною фантазиею миф он интересен, а его

похождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно» [VII; 57–58].

А в рассказе Солженицына повествователь и героиня принадлежат к одному времени, они современники, пусть Матрёна и старше, а ее личность сформировалась еще в досоветскую эпоху (что для автора принципиально важно). Автор «Матрёнина двора» намеренно отвергает лесковский подход к феномену праведности как явлению полуполюгендарному и требующему способов описания, присущих легенде или эпической поэме.

По-разному трактуется двумя писателями оппозиция прошлое ↔ настоящее. Лесков в общем и целом отнюдь не идеализирует прошлое, к которому принадлежат большинство из его праведников. Для него важна именно легендарно-эпическая дистанция, но не ценностное наполнение прошлого. Мало того, в отдельных случаях – в рассказе «Человек на часах (1839 г.)», в «Кадетском монастыре», в «Левше» – это прошлое (царствование Николая I) нарисовано весьма мрачными красками. «Бережное отношение к национальному преданию не оборачивалось у Лескова апологией прошлого. Он был убежден, что “ныне не хуже, чем было прежде”»¹⁶.

Иначе у Солженицына. «В *Матрёнин*ом дворе мерзкому, эгоистичному, очерстлевшему начальству противостоит простая женщина, в которой воплощена абсолютная самоотверженность, “русская женщина”, которая “не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни... не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...”» (Ж. Нива)¹⁷. Начальство это – советское (как и вся обстающая героиню неприглядная и враждебная реальность), в то время как она, «бедная благами, но прямо восходящая к Блаженствам Нагорной проповеди»¹⁸, сформирована старым, дореволюционным временем. Временем, которое в воображении повествователя предстает неким подобием Золотого века, оборванным Первой мировой войной: «...и вспыхнул передо мной голубой, белый и желтый июль четырнадцатого года: еще мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом. Я представил их рядом: смоляного богатыря с косой через спину; ее, румяную, обнявшую сноп. И – песню, песню под небом, какие давно уже отстала деревня петь, да и не споешь при меха-

низмах» (с. 133). Гибель же Матрёны для нового, советского мира – событие отрадное, вызывающее радость: можно вспомнить такую деталь символического кода в рассказе, как «красавица» (с. 121) с советского агитационного плаката, пропагандирующая чтение книг Белинского, – явная саркастическая отсылка (наступило-таки «желанное времечко!») к известным строкам из некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: «Эх! эх! придет ли времечко, / Когда (приди, желанное!...) <...> Когда мужик не Блюхера / И не милорда глупого – / Белинского и Гоголя / С базара понесет?» Матрёна гибнет, и повествователь замечает: «Нет Матрёны. Убит родной человек. <...> Разрисованная красно-желтая баба с книжного плаката радостно улыбалась» (с. 141). Так оппозиция прошлое ↔ настоящее приобретает в «Матрёнином дворе» идейный смысл, которого нет у Лескова.

Наконец, Лесков и Солженицын ориентируются на разные семантические архетипы-образцы в религиозной книжности. У Лескова это житие: его герои ради искупления собственного греха (Иван Северьяныч Флягин, центральный персонаж повести «Очарованный странник», столкнувшийся с обрывом Грушеньку по ее просьбе), ради справедливости (герой «Пигмея»), спасения ближнего (рядовой Постников из «Человека на часах (1839 г.)»), Панька из рассказа «Дурачок», заглавный герой рассказа «Павлин») или помощи ему (Селиван из рассказа «Пугало», герой рассказа «Несмертельный Голован», посещающий чумных больных¹⁹) рискуют собственной жизнью, обрекают себя на нищету и положение изгоев. Следуя заповедям и чувству справедливости, они обличают гордыню и неблагочестие (Рыжов из «Однодума»). Иногда, как преподобные в житиях, они уходят из мира в монастырь (Иван-Измаил Флягин в «Очарованном страннике», главный герой рассказа «Павлин»). Проявление праведности в их жизни – это подвиг.

Добродетели же Матрёны – «тихие» – нестяжательство, бескорыстие, терпение, ее отличает «неброскость»²⁰. Она напоминает ветхозаветных праведников²¹, добродетели которых скорее декларируются, чем выявляются в сюжетах посвященных им сказаний; однако при этом сама праведность кроткой героини более ново-, чем ветхозаветная. Автор убежден: в жестоком мире, забывшем о Боге, сохранить эти свойства – уже подвиг.

Так, одновременно похоже и иначе, чем Лесков, Солженицын, вступая с ним в диалог и в полемику, формулирует и выражает свое понимание праведничества.

-
- ¹ Ржевский Л. Творец и подвиг: Очерки по творчеству Александра Солженицына. Frankfurt/Main: Посев, 1972. С. 70. Ср. также, напр.: Кононова С. Не стоит село без праведника. По рассказу А.И. Солженицына «Матрёнин двор» // Литература. 2006. № 18 (666).
 - ² Солженицын А. Собрание сочинений: в 30 т. / Ред.-сост. Н.Д. Солженицына. Т. 1: Рассказы и Крохотки. М.: Время, 2005. С. 148. Далее «Матрёнин двор» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте статьи.
 - ³ Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 6 / Подгот. текста и примеч. С.А. Рейсера. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 640. Далее при цитировании произведений Лескова по этому изданию том (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой) указываются в скобках в тексте статьи; курсив в цитатах воспроизводит выделения в оригинале.
 - ⁴ О праведниках у Лескова и о понимании им праведничества см.: Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова: Сборник статей / Сост. В. Богданов. М.: Советский писатель, 1983. С. 196–232; Туниманов В. Рассказы и легенды Лескова о праведниках // Лесков Н. На краю света. Л.: Лениздат, 1985. С. 575–583; Горелов А.А. «Праведники» и «праведнический» цикл в творческой эволюции Н.С. Лескова // Лесков и русская литература: Сб. статей. М.: Наука: 1988. С. 39–59; Косых Г.А. Праведность и праведники в творчестве Н.С. Лескова 1870-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999; Снегирева И.С. Типология характеров праведников в романе-хронике Н.С. Лескова 1870-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002; Долинина И.В. Художественный концепт праведный в творчестве Н.С. Лескова // Вестник гуманитарного факультета Ивановского химико-технологического университета: Научный журнал. 2008. Вып. 3. С. 243–250; она же. Концептуализация понятия «праведник» как принцип создания одноименного цикла в творчестве Н.С. Лескова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки»; Научный журнал. 2010. Т. 1. Вып. 1. С. 67–73.
 - ⁵ Указано Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Три лингво-страноведческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы: раздел II. Аспект динамики: текст как носитель и источник национально-культурной информации: раздел III. Синтез статики и динамики: умозрение сапиентемы: моно-

- графия. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. С. 305. Пословица восходит к Быт. 18 (там же. С. 308).
- 6 *Майорова О.* Опыт реинтерпретации «Очарованного странника» Н.С. Лескова // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сборник статей в честь В.А. Мильчиной / Ред.-сост. Е. Лямина, О. Лекманов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 352–363; *Ранчин А.М.* Трансформации агиографического кода в «Очарованном страннике» и принцип амбивалентности в поэтике Н.С. Лескова (журнал «Slověne=Словѣне: International Journal of Slavic Studies», в печати).
 - 7 См.: *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 79.
 - 8 И соотносимо с ним плану абстрактного читателя; см. об этих понятиях: *Шмид В.* Нарратология. С. 41–63.
 - 9 См. об этом: *Панченко А.М.* Лесковский Левша как национальная проблема // *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 396–400.
 - 10 См. об этой особенности изображения праведников у Лескова: *Хализев В., Майорова О.* Лесковская концепция праведничества. С. 225–230.
 - 11 *Архангельский А.Н.* О символе бедном замолвите слово... («Поэзия и правда» в малой прозе Солженицына) // *Архангельский А.Н.* У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М.: Советский писатель, 1991. С. 254.
 - 12 *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений. 3-е изд. Т. 33. СПб.: Типография А.Ф. Маркса. 1903. С. 125.
 - 13 О лесковской установке на документальность см.: *Лужановский А.В.* Документальность повествования – жанровый признак рассказов Н.С. Лескова // Русская литература. 1980. № 4. С. 150–157. Нужно, однако, иметь в виду, что эта установка имеет порой мистифицирующий характер; ср.: *Ранчин А.М.* Жизнь и мнения Николая Лескова, описанные его друзьями, знакомыми и недоброжелателями // Н.С. Лесков в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, публ. воспоминаний О.А. Фрибес, А.Е. Зарина и Е.И. Зариной, коммент. Л.И. Соболева; публ. фрагментов дневника С.И. Смирновой-Сазоновой и коммент. к ним Л.С. Даниловой и В.В. Соминой; предисл. А.М. Ранчина. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 10–11.
 - 14 Ср. о рецепции Лесковым поэтики жанра народной легенды: *Сухачев Н.Л., Туниманов В.А.* Развитие легенды у Лескова // Миф – Фольклор – Литература. Л.: Наука, 1978. С. 114–136 (о «Несмертельном Головане» см. с. 115 сл.).
 - 15 См.: *Сараскина Л.* Александр Солженицын. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 911, 423, 431–432.
 - 16 *Хализев В., Майорова О.* Лесковская концепция праведничества. С. 199.
 - 17 *Нива Ж.* Солженицын / Перевел с франц. Симон Маркиш в сотрудничестве с автором. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1984. С. 205.
 - 18 Там же. С. 86.
 - 19 Ср. об агиографическом подтексте «Несмертельного Голована»: *Майорова О.Е.* Рассказ Н.С. Лескова «Несмертельный Голован» и житийная традиция // Русская литература. 1987. № 3. С. 170–179.

- ²⁰ Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы: раздел II. Аспект динамики: текст как носитель и источник национально-культурной информации: раздел III. Синтез статики и динамики: умозрение сапиентемы: монография. С. 302–303.
- ²¹ Исследователями неоднократно указывалось на несомненную параллель между домом Матрёны, в котором нашлось место и козе, и кошке, и ковчегом праведного Ноя.